

Глава 17. Дочь семьи Ван (часть первая)

Гостиница в маленьком городке, разумеется, не могла похвастаться роскошью.

Обычная комната, в которой стояла всего одна кровать.

Линь Цисуй и Се Чанси некоторое время сверлили друг друга взглядами, после чего юноша заговорил первым:

— Ты всё равно призрак, тебе спать не нужно. Так что кровать моя.

— Да, — с готовностью кивнул Се Чанси. — Естественно.

Видя, что тот не сводит с него улыбающегося взгляда, Линь Цисуй почувствовал себя неловко и отвёл глаза:

— Я собираюсь отдохнуть. Ты... делай что хочешь.

— Хорошо, — ответил Се Чанси и действительно покинул комнату.

Линь Цисуй с облегчением выдохнул. Он уже собирался раздеться и лечь в постель, как в дверь постучал слуга, принёсший ему пирожные и горячую воду.

Не придав этому особого значения, Линь Цисуй съел немного сладостей, принял горячую ванну и лёг спать.

В мастерской ему так и не удалось толком отдохнуть, поэтому, едва коснувшись подушки, он провалился в глубокий сон.

В час Крысы в гостинице «Фулай» погасли огни.

Шум в зале на первом этаже стих, и вся гостиница погрузилась в сон.

Се Чанси не ушёл далеко. Он взлетел на крышу и стал созерцать раскинувшийся под ним полуразрушенный городок.

В комнате, на кровати, спал Линь Цисуй. Его чёрные волосы разметались по подушке, подчёркивая болезненную бледность лица.

Он крепко спал, но его тонкие, вьющиеся ресницы подрагивали. На тонком запястье,

лежавшем поверх одеяла, покоился браслет из чёрного дерева.

Внезапно браслет засветился слабым светом.

Юноша спал и видел сон.

В маленькой, затерянной деревушке палило солнце. Земля потрескалась от зноя, посевы пожухли.

Под кривой ивой у околицы пятилетняя девочка с трудом тащила из колодца маленькое ведёрко с водой.

Она была слишком мала и слаба. Ведро то и дело срывалось и с грохотом падало обратно в колодец.

Девочка вытерла пот со лба и сердито топнула ногой.

В этот момент пара тёмных от загара ручонков перехватила верёвку.

Это был мальчик чуть выше её ростом, по имени Цинь Вэй. Он тоже был из этой деревни — худой, смуглый, на вид совсем не силач.

Но вдвоём дело пошло веселее.

Кряхтя и пыхтя, они наконец вытащили ведро.

Цинь Вэй молча помог ей донести воду до дома семьи Ван, поставил ведро на землю и, не сказав ни слова, развернулся и ушёл.

Девочка смотрела ему вслед и, улыбаясь, тихо пробормотала:

— Ну и молчун, даже слова не скажет!

Скрипнула ветхая дверь, и из дома, пошатываясь, вышел пьяница с красным лицом.

Он опёрся о дверной косяк, сплюнул на землю и, заметив девочку, усмехнулся.

Улыбка исчезла с её лица.

— Сухэ, — окликнул её пьяница, — я же говорил, что сегодня за тобой придут из семьи Чэнь. Что ты тут с водой возишься? Иди в дом, переоденься!

— Да, — ответила маленькая Сухэ и, с трудом втащив ведро в дом, скрылась в тёмной комнате.

Их семья жила в крайней нужде. Отец-пьяница, вечно больная мать, прикованная к постели, и грудной братик, которого ещё нужно было кормить.

Денег давно не было, землю никто не обрабатывал. Отец продал её, чтобы купить выпивку, но деньги быстро кончились.

Тогда он продал её в семью Чэнь.

Семья Чэнь жила в городе Луньинь. Они тоже были небогаты, но, по крайней мере, не голодали.

Отец сказал, что она станет «девушкой, ждущей мужа».

Маленькая Сухэ не знала, что это значит, но знала, что в семье Чэнь она не будет голодать.

Она надела синие штаны и рубаху без заплат, перевязала волосы красной ленточкой и послушно села на пороге ждать.

Ближе к вечеру за ней приехала на телеге, запряжённой волком, молодая женщина.

Женщина была худой, с большим животом, и её лицо с раскосыми глазами казалось суровым и неприветливым.

Маленькая Сухэ всю дорогу боялась заговорить с ней.

Когда они приехали в дом семьи Чэнь, за тёмными деревянными воротами её ждала целая толпа.

Она замерла на пороге, не решаясь войти. Женщина с каменным лицом ввела её во двор и стала представлять всем по очереди.

В центре сидела старуха — свекровь, глава семьи. Муж её умер, и теперь она заправляла всем в доме.

Рядом со старухой стоял молодой мужчина с худым, недовольным лицом — это был муж женщины, Чэнь Минъяо.

Возле Чэнь Минъяо стояли две девочки, десяти и восьми лет — их дочери.

Закончив с представлениями, женщина наконец выдавила из себя подобие улыбки.

Она взяла руку маленькой Сухэ, положила её себе на живот и сказала:

— Врач сказал, что на этот раз у меня будет мальчик. Он — твой будущий муж. Когда он родится, ты должна будешь хорошо о нём заботиться.

Маленькая Сухэ, не совсем понимая, кивнула.

С этого дня она вместе со своими новыми сёстрами начала трудиться с утра до ночи.

Стирка, готовка, кормление кур и уток, уход за свекровью — хотя она и валилась с ног от усталости, но, по крайней мере, была сыта.

Так прошло три месяца, и женщина родила.

Снова девочку.

В тот день старуха была в ярости.

Она забрала новорождённую, отнесла к реке и утопила.

Вечером маленькая Сухэ сварила для женщины миску сладкого супа с яйцом и тайком, чтобы не видела старуха, принесла ей.

В тусклом свете свечи, освещавшем их лица, маленькая Сухэ, сидевшая у кровати, заметила на щеках женщины влажные дорожки слёз.

Женщина рассказала ей, что до этого у неё уже была дочь, которую старуха так же утопила сразу после рождения.

Что поделать, семья не могла прокормить столько детей.

В ту ночь женщина долго говорила с Сухэ. Она взяла её маленькую ручку, положила себе на плоский живот и, улыбаясь, спросила:

— Сухэ, как ты думаешь, в следующий раз у меня родится мальчик или девочка?

Маленькая Сухэ, глядя на её улыбку, содрогнулась.

Но всё же ответила так, как та хотела услышать:

— Конечно, мальчик. Я пришла в семью Чэнь, и он обязательно родится.

— Умница, — довольно улыбнулась женщина. Она съела яйцо, а оставшуюся половину миски сладкой воды отдала маленькой Сухэ.

Но всё оказалось не так просто. Хотя женщина и была молода, но роды подорвали её здоровье.

Она не то что сына, даже забеременеть больше не могла.

И тогда маленькая Сухэ стала для семьи Чэнь предвестницей несчастий. Вместе с женщиной она терпела косые взгляды старухи и побои Чэнь Миньяо.

Так прошло пять лет.

Когда маленькой Сухэ исполнилось десять, женщина наконец снова забеременела.

И на этот раз она родила мальчика.

Старуха была вне себя от радости. Она назвала ребёнка Гуанцзун, что означало «прославляющий род».

Она даже достала из своих сбережений деньги, чтобы устроить ему пышный праздник в честь первого дня рождения.

А Сухэ из предвестницы несчастий превратилась в талисман удачи.

Её жизнь наконец стала немного легче. Ей больше не нужно было стирать и готовить, только помогать женщине ухаживать за Чэнь Гуанцзуном.

Постепенно младенец подрос и уже ковылял за Сухэ на своих коротеньких ножках.

Сухэ брала его с собой играть на улицу, покупала ему сладости.

Со стороны они выглядели как любящие брат и сестра.

И каждый раз, когда она выходила с Чэнь Гуанцзуном, дверь соседнего дома приоткрывалась.

Пара глаз, похожих на виноградины, тайком наблюдала за ними из-за двери.

Это была купленная соседями невеста-невольница по имени Таоцзы.

Худая, как тростинка, она была ровесницей Сухэ, но ей приходилось ухаживать за парализованным калекой.

Раньше, когда Чэнь Гуанцзун ещё не родился, и Сухэ каждый день терпела побои, она часто сидела у ворот и плакала. Тогда Таоцзы тайком давала ей лекарства и булочки.

И говорила, что нужно жить.

Нужно жить, и однажды всё наладится.

Сухэ знала, что Таоцзы завидует ей и радуется за неё.

Хотя Чэнь Гуанцзун и был на десять лет младше, он был здоровым ребёнком, которого она вырастила своими руками. Когда он вырастет, они поженятся и будут жить вместе.

А у Таоцзы всё было иначе. Её муж с детства был прикован к постели, и так будет всегда. У Таоцзы не было никакой надежды.

Тогда Сухэ тоже верила, что её страданиям скоро придёт конец.

Но судьба распорядилась иначе.

<http://bllate.org/book/13453/1691245>